



И «СВОИ»



ВИКТОР ТРЕГУБОВ

ТЕКСТ Ирина Киселенко



Возможно ли взрослому человеку играть в театре, не имея актёрского образования? Найти единомышленников, готовых после работы срываться в зал на репетиции до поздней ночи? А участвовать в постановках режиссёров известных театров?

Да, да и ещё раз да.

Любительский театр-студия «Свои» объединяет людей нетворческих профессий в общем увлекательном занятии по освоению актёрского мастерства, а также в раскрытии творческого потенциала под патронажем профессиональной команды Виктора Трегубова – режиссёра, не требующего представления.

Мы поговорили с Виктором о его впечатлениях и ожиданиях от работы с любителями, возможности реализации творческих замыслов на площадке непрофессионального театра и планах на будущее.

С&Г Виктор, насколько серьёзно вы относитесь к театру-студии «Свои»?

Виктор Трегубов Очень серьёзно отношусь.

С&Г Как решились на игру с любителями?

В.Т. Очень правильно сказано: решился на игру. Это именно игра. Они, как дети, играют, познают новые стороны жизни, открывают новые грани своих возможностей. Мне интересно с ними экспериментировать. Они растут в ходе этого эксперимента, так же, как и спектакли, в которых они играют, меняются с каждым новым показом. Некоторые актёры в студии взрослее меня и других педагогов, которых я привёл, и в этом они тоже играют – они якобы ученики, а мы якобы педагоги. Мы постоянно играем, нам общество диктует правила игры. Только в обществе мы играем неосознанно, а тут мы приходим и играем осознанно. Мы же понимаем, что я преподаватель, но не Альфа и Омега, и они не совсем актёры, они играют в актёров.

МЫ ПОСТОЯННО ИГРАЕМ, НАМ ОБЩЕСТВО ДИКТУЕТ ПРАВИЛА ИГРЫ. ТОЛЬКО В ОБЩЕСТВЕ МЫ ИГРАЕМ НЕОСОЗНАННО, А ТУТ МЫ ПРИХОДИМ И ИГРАЕМ ОСОЗНАННО. МЫ ЖЕ ПОНИМАЕМ, ЧТО Я ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, НО НЕ АЛЬФА И ОМЕГА, И ОНИ НЕ СОВСЕМ АКТЁРЫ, ОНИ ИГРАЮТ В АКТЁРОВ

С&Г Получается, вы работаете с людьми, которые вне профессии, при этом вы ставили спектакли в театре-студии «Грань» с высочайшими профессионалами. Вы этого осознанно захотели? Как вы попали в театр «Свои»?

В.Т. Я не ставил себе цель заниматься с любительским театром и не искал этого, но тяга к любителям была всегда. Я попал в театр «Свои» при очень странных обстоятельствах: мне позвонил знакомый, сказал, что дал мой номер телефона ребятам, которым нужен режиссёр. Вскоре мне позвонила девушка, пригласила в студию на переговоры, но оказалось, что она звонит не от моего друга. Через какое-то время позвонил ещё человек с таким же запросом, затем ещё один. Мне было так странно, что меня разыскивают люди из одной студии разными путями. Когда я пришёл и спросил, чего они хотят, они сказали, что хотят куратора, преподавателя и режиссёра. Конечно, сразу захотели работать над спектаклем, но я посмеялся и предложил сначала поработать с актёрскими навыками. Мы позанимались около полугода, начали репетировать спектакль, но стало понятно, что нужны ещё тренинги – ушли ещё на полгода в обучение. Как раз в это время зародился спектакль «Фандо и Лис» по пьесе Фернандо Аррабала.

С&Г А как вообще выбирается пьеса, которую вы будете ставить? Вы выбираете произведение, а потом людей, которые будут его воплощать в жизнь или по людям подбираете спектакль, который они смогут сыграть? Кто диктует выбор произведения?

В.Т. Когда как. Всегда же хочется сказать, что мы всё сами решаем, подбираем и диктуем, а на самом деле и режиссёр не решает, и актёр не решает, и само ничего не решается. Нужен был кому-то этот спектакль и он случился.

С&Г Вы же наверняка знакомы с позицией Константина Богомолова? По его словам, он всегда идёт от себя. Он чётко решает, и ему не важен окружающий контекст, он настаивает на своей репрезентации произведения. Получается, что вы другого мнения?

В.Т. Пока всё совпадает и всё получается, мы действительно думаем, что мы всё решаем. И можно, задрвав голову, уверенно сказать, это я всё решил. Но, например, когда я пришёл в театр «Свои», мы репетировали один спектакль, и вдруг случилась пандемия – кто-то не смог или не захотел продолжать, кто-то по каким-то своим соображениям покинул труппу, и нам пришлось менять планы. В театре, кстати, так часто происходит. Театр, вообще, по моему мнению, жертвенный алтарь – всегда есть какие-то жертвы, всегда что-то случается, кто-то уходит. Когда из 16 человек в студии осталось 8, мы начали разбирать материал «Фандо и Лис» и репетировали маленьким кругом. Мне хотелось поставить этот спектакль с третьего курса академии, но тогда я не понимал, как это реализовать. А тут я понял, что всё совпало. Можно было бы сказать, что вот я решил на оставшееся количество людей сделать постановку, но нет! Не я это решил. Как говорит Татьяна Черниговская, российский учёный в области нейронауки: «У ума есть одна уловка: мозг сам все решения принимает, вообще всё делает сам, но посылает человеку сигнал – ты, мол, не волнуйся, это всё ты сделал, это твоё решение было». Или про то, что мы говорим «наш мозг». Ещё не понятно, кто чей: он наш или мы его. Также и тут не понятно – спектакль сам родился, и мы даже не поняли, когда его зачали. И с финалом такая же история всегда происходит. Да, многие режиссёры говорят, что точно знают, каким будет финал, но это лишь предположение. Если режиссёр чётко ведёт к абсолюту из своей головы и не отступает ни на шаг, то нарушается, пожалуй, самое ценное – сотворение спектакля – наступает диктат. Шекспир ведь тоже решал, что будет на сцене, и он тоже вроде сам решал. И вот мощнейший драматург и режиссёр театра сегодня для нас вообще неопределённая личность. Есть споры о том, что Шекспир – это женщина или вообще группа лиц. Он решал, решал, а теперь мы даже не знаем, кем он был, поэтому, кто и что решает не подвластно объяснению.

ЕСЛИ РЕЖИССЁР ЧЁТКО ВЕДЁТ К АБСОЛЮТУ ИЗ СВОЕЙ ГОЛОВЫ И НЕ ОТСТУПАЕТ НИ НА ШАГ, ТО НАРУШАЕТСЯ САМОЕ ЦЕННОЕ – СОТВОРЕНИЕ СПЕКТАКЛЯ

С&Г Но общая концепция в любом случае начинается с режиссёра, а потом уже включается процесс сотворения?

В.Т. Да, начинается с задумки режиссёра, но многие образы, сцены, намёки на сцены приносит ребята. Это здорово, когда всё идёт в копилочку, как ручейки, которые в реку впадают и движутся в одном направлении. Если получается хорошо, и актёры попадают в струю, то я соглашусь и принимаю, если нет, то говорю: «Нет, не туда». Чем больше «туда», тем ценнее материал для актёров, им же на сцену выходить.

С&Г Так у вас нет диктата ни в какой форме?

В.Т. Да есть, конечно, безусловно, есть. Просто важно стараться в себе это контролировать, важно помнить, что не всё сразу приходит, актёр сам должен многое понять, а не ты ему указывать. И у любителей интересная штука есть: они многим не владеют и не знают, что этим нужно владеть, но у них есть искренность, наивность, и поэтому получается круто, свежо, интересно. Да, они школой не владеют, не умеют танцевать определённые танцы или петь, но всё можно постичь. Я с большим трепетом отношусь к Даниилу Богомолову, который работал в театре-студии «Грань» и уехал работать в Москву в театр «Около дома Станиславского». Он как-то приезжал в Самару, и я его попросил провести тренинг ребятам. Он позанимался с ними и говорит: «Я так подумал, может, и не надо на это учиться». Ведь на самом деле нас учат, научают, а кто знает, как правильно? Сегодня мы опровергаем одно, завтра другое. Вот Бертольд Брехт опровергал аристотелевский театр, Аристотель в своё время тоже что-то опровергал и так далее. Кто-то говорит, что театр – это слово, кто-то говорит, что театр – это движение.

НЕПОНЯТНО, ЧТО ЛУЧШЕ, КОГДА ПУБЛИКА ВЕДЁТ ТЕАТР ИЛИ КОГДА ТЕАТР ВЕДЁТ ПУБЛИКУ. ПОТОМУ ЧТО НЕТ НИЧЕГО ПЕЧАЛЬНЕЕ ТОГО ТЕАТРА, КОТОРЫЙ ВСЕГО ДОСТИГ, И ПУБЛИКА РЕАГИРУЕТ НА НЕГО ПО ПРИВЫЧКЕ

С&Г Правильно, неправильно, наверное, по реакции публики можно это понять?

В.Т. Наверное да, но публика тоже разная. Есть театры, в которые публика ходит, видит там не очень удачные спектакли, но молчит. Публика решает, что это она не поняла и что она плохая. И не понятно, что лучше, когда публика ведёт театр или когда театр ведёт публику. Потому что нет ничего печальнее того театра, который всего достиг, и публика реагирует на него по привычке. Это же западня, в какой-то степени. Хорошо, если будут взлёты и падения, но ведь есть театры, в которых есть взлёты, а потом нескончаемая бездна. Когда не бьют по столу и не высказываются, когда слишком много сладкого – это и на актёрах, и на режиссёрах сказывается не лучшим образом.

Я очень люблю британскую комик-группу «Монти Пайтон», они гениально сделали. Они собрались каждый из своего театрлика, их шесть человек, друг друга не знали, встретились и создали легендарное телешоу «Летающий цирк Монти Пайтона». Они просуществовали 3–4 года, выпустили четыре сезона своей передачи на BBC, сняли четыре полнометражных фильма,



КАЖДАЯ РАБОТА – ЭТО НЕУВЕРЕННОСТЬ. САМЫЕ УДАЧНЫЕ РАБОТЫ – КОГДА ВСЁ СКЛАДЫВАЕТСЯ, КОГДА ЧУВСТВУЕШЬ СИЛЫ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ ВСЕХ ВОЗНИКАЮЩИХ ТРУДНОСТЕЙ

выступали с концертами, выпускали книги, музыкальные альбомы, мюзикл. А потом поняли, что публика воспринимает любые их шутки, и им стало неинтересно. На пике популярности они разбежались. Каждый стал делать свою карьеру, но года через четыре они снова сошлись, опять сняли полнометражный фильм и снова разошлись. Потом собрались, сняли фильм со старыми скетчами, сделали концерт и снова разошлись. И у них было полно удачных совместных проектов, и никто не тяготил друг друга и не упрёкал, не рефлексировал, что разошлись на пике славы. Это очень здорово – признать в какой-то момент, что почивание на лаврах уже не столь интересно.

С&Г Безусловно, театр-студия «Грань» сегодня один из обязательных к посещению театров, и он диктует многие вещи. Очевидно, что вы что-то перенесли оттуда сюда, взяли лучшие наработки и фишки, которые так нравятся зрителю. И сами актёры наверняка в восторге, что вы идёте по стопам самых успешных проектов.

В.Т. Я тоже так думаю. Конечно, мы заимствуем, и не только у театра «Грань», как говорится, «нот всего семь».

С&Г Можете назвать вашу самую серьёзную работу? С какого спектакля началась уверенность в своих силах?

В.Т. Каждая работа – это неуверенность. Самые удачные работы – когда всё складывается, когда чувствуешь силы на преодоление всех возникающих трудностей.

С&Г Какая любимая работа?

В.Т. Таких много. Мне понравился выпускной спектакль «Калигула», «Пикник» по Аррабалу, «Фандо и Лис» из крайних. Везде и всегда можно исправить какие-то моменты, но в целом мне нравится, как они удалась. Есть классные проекты, которые мы готовили с командой педагогов, которые сейчас работают со мной в театре «Свои»: хореограф Настя Шаброва, ассистент режиссёра и преподаватель по актёрскому мастерству и постановке речи Наталья Седова, завпост Андрей Пономарёв, предыдущий завпост Иван Глухов. Мы с ними давно дружим и делали в Отрадном несколько театральных представлений, которые занимали первое место и гран-при на губернском фестивале.

С&Г Какой спектакль самый востребованный у зрителей?

В.Т. «Манкурт», наверное, потому что идёт в «Грани», и над распространением билетов и приглашением гостей работает целая команда.

С&Г А как вы в театр-студию «Грань» попали?

В.Т. Денис Бокурадзе позвонил, пригласил на беседу. Я приехал, мы посидели, попили чай, поговорили. Он предложил поработать, сказал перезвонит недели через две, чтобы у меня было время всё взвесить, а позвонил на следующий день: «Мы завтра прогоняем «За закрытыми дверями», приходи посмотреть». Я пришёл, посмотрел. А он: «Ну что?» Я согласился, сказал: «Да, спасибо. Мне хочется».

С&Г До этого вы в институте познакомились?

В.Т. Мы видели друг друга в институте. Я был студентом, он преподавателем. Он сказал, что про меня справки навёл и решил пригласить.

С&Г А что вы делали до «Грани»?

В.Т. Преподавал на кафедре режиссуры театрализованных представлений и праздников (выпустил курс), преподавал на актёрской кафедре, ставил спектакли в театре «Актёрский дом» («Чёрный монах» и «Княжна Мери») с актёрами из разных театров. В Клявлино ставил театрализованные представления – нечто среднее между концертом и спектаклем – интересный жанр, мне нравится в нём работать, это для широкого зрителя.

С&Г У ваших работ есть возрастные ограничения?

В.Т. Честно, я об этом не думал, отталкивался от того, что автором уже заложено. Да, «Фандо и Лис» не детский спектакль, но там нет ничего такого, чтобы детям нельзя было смотреть. Мне кажется, лет в 12-14 уже можно ходить на такие вещи, хотя во многом зависит от интереса. Автор написал «Фандо и Лис» в 23 года, правда сами авторы не всегда знают, что и для кого пишут, им просто приходит вдохновение свыше.

С&Г Есть табу на постановки? Обнажённые сцены, например?

В.Т. Нет, если это оправдано контекстом. На сцене на самом деле можно всё. Меня единственное передёргивает грязь и хлеб на сцене. Не выношу, если крошат или вообще кидают на сцену хлеб. Непонятно, для чего это делается.

С&Г А как насчёт живых лошадей на сцене?

В.Т. Классно. Сцена увеличивает некоторые вещи и сама расставляет всё на свои места. Иногда кажется, какая красивая девочка, а выходит на сцену – и неинтересно на неё смотреть. Или, наоборот, скромная, никто внимание не обращает, а выходит на сцену – и думаешь, какая красивая. Поэтому я и не могу сказать, что всё понятно и предсказуемо. Дружить со сценой надо, если актёры с ней дружат, то это очень здорово. Голых людей тоже можно на сцену вывести – шабаш, например, красивый сыграть. А можно и без голых людей этот же шабаш изобразить, нужно понять, какой нарратив хочется. Как в фильме «Вчера, сегодня, завтра» Софи Лорен танцует стриптиз. Она делает это очень эстетически вкусно, эротично, просто красиво и комично, и необязательно ей полностью раздеваться, актриса сама берёт и ведёт зрителя за нос, куда ей нужно. Поэтому может и не нужны эти голые тела, а может именно только они нужны. Про Лис из нашего спектакля тоже говорят, что она пошлая и эротичная, но она только ляжку приспускает с брючного комбинезона. Зритель сам многое додумывает, в этом и заключается миссия актёра, режиссёра и театра. Театр не должен давать ответы, он должен задавать вопросы.

С&Г Есть режиссёры и театры, на которые вы ориентируетесь?

В.Т. Они всё время меняются.

С&Г На сегодняшний день?

В.Т. Туминас, Вахтангов, Бутусов, Могучий, Някрошюс был прекрасен. Много их, у одного – что-то одно нравится, у другого – что-то другое.

С&Г Что вас вдохновляет на работу?

В.Т. Смена обстановки, музыка, живопись, исторические передачи, кинофильмы, короткометражная анимация, особенно сюрреалистическая. Например, то, что делал Роберт Саакянц и киностудия «Арменфильм»: «В синем море, доброй пене...», «Добрый Эх», «Ишь ты, масленица», «Кто расскажет небылицу». Как мы умудрились упустить это в какой-то момент? Это же так мощно воображение развивает.

С&Г Актёры часто мечтают поработать с определённым режиссёром, а у вас есть желание поработать с определённым актёром?

В.Т. Мне нравится работать с Юлей Бокурадзе, с Женей Аржаевой, Катей Кажавой, Олегом Сергеевым. Я иногда смотрю на людей, фамилии не буду называть, и представляю, как здорово было бы с этим в Чехове поработать, а с этим в Шекспире покопаться, а с этим что-нибудь советское поставить. Примерно так у меня происходит.

С&Г Кстати, есть предпочтение, классику ставить или современную драматургию?

В.Т. В основном, я обращаюсь к классике, но не всегда можно определить грань в соотношении автора и его текстов к однозначному корпусу произведений и категории писателей. Тот же Аррабаль, кто это? Непонятно же. По идее, он классик в Европе, а у нас, безусловно, классиком не является. В Европе он широко известен, он родоначальник целого направления «панический абсурд», а у нас его практически не знают. Или Мартин Макдонах – он же современный драматург. А взять его произведения «Сиротливый запад», «Красавица из Линэна», «Однорукий из Спокана» – это ирландский фольклор, по сути, классика. Макдонаха, мастера непредсказуемого чёрного юмора, сравнивают с Чеховым, и действительно сейчас нет драматурга сильнее, чем он. Его последняя пьеса «Очень, очень, тёмные матери» – это просто великолепие какое-то, мечта режиссёра, мне очень хочется с ней поработать. Я давно так не смеялся, когда читал её, может только когда «Калигулу» читал или «Лысую певицу». Поэтому мне нравятся разные вещи, зависит от настроения и от состояния в обществе. Иногда очень хочется высказаться.

С&Г Режиссёр участвует в выборе костюмов для актёров? Если да, то с кем вы советуетесь?

В.Т. Да, я участвую. Мы советуемся между собой. Например, костюм Лис предложила сама актриса, которая её играла. Она нарисовала эскиз комбинезона, нам понравилось. Пока есть трепет к мыслям другого, будет происходить сотворение спектакля. Как и в жизни, пока есть эта пресловутая любовь, которую мы воспеваем всегда и везде, многое переживётся и перемелется. Когда любви нет, история заканчивается.

С&Г Какие планы на театр «Свои»?

В.Т. Месяцев через восемь планируем следующую премьеру.

С&Г В каком жанре? Тоже абсурд?

В.Т. Нет. И автор другой, и жанр другой, и манера существования на сцене другая.

С&Г Сколько актёров будет задействовано?

В.Т. Мне хочется остановиться на девяти.

ДА, ПУТЬ ИСКУССТВА НЕ ЛЁГКО И НЕ БЫСТР. НО ИМЕННО ИСКУССТВО ОТКРЫВАЕТ НАМ ГЛАЗА НА ТО, ЧТО СКРЫВАЕТ И ЗАМАЛЧИВАЕТ ПРАГМАТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С&Г И роли уже утверждены?

В.Т. Нет. Ребят ещё ожидают пробы на роль, как в обычном театре. Они должны принести этюды, разобрать свои роли, доказать, что готовы.

С&Г Это же настоящий труд, реальная работа.

В.Т. Да, путь искусства не лёгок и не быстр. Один автор пишет, что невозможно так быстро сочинять пьесы, как политики развязывают войны. Мы привыкли, что есть путь науки и где-то – незаметное искусство. Но именно искусство открывает нам глаза на то, что скрывает и замалчивает прагматичная цивилизация. Например, я только недавно узнал про геноцид в Руанде, про нанкинскую резню. Искусство кричит о таких страшных вещах, поднимает острые вопросы, обнажает ужасную несправедливость. Так же как и показывает красоту, вечные ценности, чистоту и невинность. Мир настолько же прекрасен, насколько ужасен. И этот путь необходимо изучать. Это жизненная необходимость, по моему разумению.

Ребята именно за этим и приходят в театр, приходят учиться и играть, им интересно, как строятся пьесы, как автор их пишет, что вообще там происходит. Вон Брехт писал об устройстве общества, увлекался этим. Это было в 1930 году, а читаешь как о сегодняшнем дне, настолько мысли актуальны. Это очень интересно, особенно, когда ещё в шкуру персонажа влезаешь и можешь говорить его словами, и не только говорить, но и переживать всю палитру его чувств – любовь, например, и поиграть с ней и в неё, как дети играют. Детям же веришь. Так же актёры идут и пытаются понять, а как же это происходит? Потребность в этом есть, и это великолепно.

